

The Doors. Зажжем эту ночь. Мои воспоминания

Автор:

[Робби Кригер](#)

The Doors. Зажжем эту ночь. Мои воспоминания

Робби Кригер

Music Legends & Idols

Немногие группы настолько окутаны туманной дымкой рок-мифологии, как The Doors, и отделить факты от вымысла казалось практически невыполнимой задачей. Но теперь, по прошествии пятидесяти лет, самый тихий участник The Doors наконец-то нарушает свое молчание, чтобы расставить все точки над i.

В серии коротких зарисовок Робби Кригер возвращает читателей туда, где вершилась история группы. Ломбард, где Робби Кригер купил свою первую гитару; тюремная камера, куда его подростком посадили за употребление наркотиков; гостиная родителей, где он вместе с Джимом Морисоном написал первые песни; пустые бары и вечеринки на заднем дворе, где The Doors отыграли свои первые неловкие концерты; и множество других площадок, выступления на которых переросли в печально известные беспорядки.

Робби Кригер также раскрывает подробности о самых сложных жизненных трудностях – начиная от наркозависимости и заканчивая психическим срывом его брата-близнеца и собственной битвой с раком. Уравновешивают тяжелые воспоминания юмористические байки о стычках с безумными фанатами, известными музыкантами и одним по-настоящему разгневанным монахом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Робби Кригер

The Doors. Зажжем эту ночь. Мои воспоминания

Книга посвящается Линн Энн Верес – моей жене, с которой мы вместе уже полвека. Она – единственный в мире человек, позволяющий мне быть самим собой. Всегда буду ее за это любить.

Robby Krieger

«SET THE NIGHT ON FIRE: My Many Lives and Deaths as the Lead Guitarist of The Doors»

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, USA. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Перевод с английского Максима и Айны Елфимовых.

Фотография на обложке: Michael Ochs Archives/Getty Images предоставлена фотоагентством Getty Images

© 2021 by Robby Krieger

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Отель Henry Hudson

«Робби! С тобой говорит Бог! Прямо сейчас мы выбросим тебя из этой Вселенной».

Разумеется, голос в телефоне принадлежал не Господу Богу. Это был Джим Моррисон. Я повесил трубку. Звонок этот состоялся в совсем небожественный час осенью 1966-го. The Doors недавно приехали в Нью-Йорк, чтобы целый месяц играть концерты на дискотеке в Ondine в качестве ее резидентов, завершить сведение дебютного альбома и снять промо-видео для первого сингла. Каждую ночь мы играли пять получасовых сетов, завершая выступления с первыми лучами восходящего солнца. Я очень ценил мгновения короткого сна.

Наш менеджер организовал нам проживание в отеле Henry Hudson в центре Манхэттена. Этажом выше обитали The Chambers Brothers, и мы нередко отрывались с ними, вернувшись с выступлений. На выходных я вместе с барабанщиком Джоном Денсмором исследовал джаз-клубы в квартале Виллидж, тогда как в дневное время клавишник Рэй Манзарек со своей подругой Дороти разгуливали по музеям. Нью-йоркская публика, до этого не слышавшая песен The Doors, довольно быстро въехала в наше творчество, а местные групи[1 - Гру?пи – поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. (Здесь и далее – примечания редактора, если не указано иное.)] пребывали в восторге от «загадочных инопланетян из Калифорнии». У меня были короткие интрижки с некоторыми из них, в том числе с Рори Флинн – моделью ростом метр восемьдесят, которую я знал еще со времен Лос-Анджелеса, отцом ее был Эррол Флинн.

Позже я узнал, что групи из Ondine вели статистику и сравнивали участников, ставя нам оценки. После Рори мне никто особо не уделял внимания, так что я, видимо, занял невысокое место в их рейтинге.

Мы были молодой группой на пути к успеху. И постоянно находились поводы для празднования. Как обычно, Джим отмечал куда масштабнее и жестче, чем все мы. В ночь после «звонка от Бога» мы отправились на праздничный ужин в дом к нашему продюсеру Полу Ротшильду в Нью-Джерси, и Джим пребывал в

настолько радушном настроении, что прямо за столом ударил жену Пола. Пол воспринял ситуацию спокойно, но, когда вез нас обратно в отель Henry Hudson, Джим хватал его за волосы, требуя повернуть, и мы чуть не попали в аварию. Всей группой мы потащили Джима обратно в его номер в отеле. Мы надеялись, что сможем уложить его в постель, после чего он расслабится и отключится. Но вместо этого он разделся догола и прыгнул в окно.

У Джима была особенная техника прыжков из окон, которую я неоднократно наблюдал раньше. В то время мы с Джоном проживали в доме в Лорел Каньоне. Однажды ночью Джим зашел к нам, когда у нас гостило несколько девочек. Он решил их напугать, с разбега бросившись с нашего балкона. Его прыжок обычно включал хорошо просчитанный кувырок, позволявший Джиму своевременно схватиться за уступ, на котором он некоторое время болтался, привлекая внимание. Затем он подтягивался, успокаивая таким образом толпу и заставляя биться женские сердца чаще.

Но у нашего дома на Лорел Каньон было всего два этажа. На этот же раз Джим болтался на высоте двенадцати этажей над суровым бетоном и гудящим движением на Пятьдесят восьмой улице. Судя по беспричинной наготы, он был даже пьянее, чем обычно, поэтому я особенно верил в крепость его хватки.

Мы помчались через комнату, чтобы вытащить его обратно. Если бы нас там не было, он, вероятно, не смог бы спастись. В то же время, не оказавшись мы там, он бы скорее всего не прыгнул, стремясь получить порцию моментального ажиотажа. Как только мы вытащили его, Джим повалил меня на кровать. Пока Джон и Рэй охраняли окно, Джим прижимал меня, в шутку изображая непристойные движения. Типичные 60-е, но для меня, конечно, это перебор. Я столкнул его с кровати, после чего он катался по полу от смеха.

Оглядываясь назад, я думаю, что Джим на подсознательном уровне понимал: Джон или Рэй никогда бы не смирились с его импровизированным актом греко-римского соблазнения. Джим всегда понимал границы дозволенного и даже в состоянии сильного опьянения все еще инстинктивно нащупывал предел своих выходок. В ту ночь он увидел во мне участника группы с лучшим чувством юмора. И я стал для него той самой границей дозволенного.

Сейчас это кажется смешным, но тогда мне было совсем не до смеха. Мне было 20 лет, я был самым молодым участником коллектива, у меня не было никакого влияния на этих парней, и я совершенно не понимал, как справиться с этим

безумным хаосом. Я постоянно балансировал между статусом рок-звезды и парня, отковыривающего мозги нашего вокалиста от тротуара.

Мы пробыли в комнате Джима еще час или около того, пока он не успокоился и отрубился. На следующий день он поприветствовал меня как ни в чем не бывало. Джим редко вспоминал о своих пьяных выкидонах, возлагая на нас ответственность разгрести последствия. Я рассказал ему о том, что он натворил накануне, и сложилось впечатление, будто он слушал историю о ком-то другом. Его ответ, как обычно, прозвучал в духе «Вау, это ужасно» или «Ой, прости, я не ведал, что творил».

Его извинения были простыми, но будто гипнотизировали. Я до сих пор не понимаю, как он смог убедить нас простить его за половину учиненных им выходок. На трезвого Джима было трудно обижаться.

Прыжки из окон, борьба на гостиничной кровати в голем виде, все это – после позора перед нашим продюсером и звонка-розыгрыша, разбудившего меня посреди ночи, – зачем я все это терпел? Как простое извинение может это компенсировать? Зачем я вообще имел дело с группой, одна из ключевых фигур которой буквально создана крушить все вокруг себя?

Все, что я знал, – это то, что никогда не смогу уйти. Мы все еще играли в маленьких клубах, и большая часть планеты не знала о нашем существовании, но я уже видел будущее. Я знал, что Джим, как никто другой, может стать великой рок-звездой и что у The Doors есть потенциал стать главной группой Америки. Независимо от того, что могло случиться по пути, я участвовал в этом.

Через два месяца у нас вышел дебютный альбом, доказавший, что мои прогнозы были верными, и навсегда изменивший наши жизненные пути. Но все последующие годы я всегда вспоминал урок, который усвоил в отеле Henry Hudson: может, Джим Моррисон и не Господь Бог, но выбросить меня из этой Вселенной он может.

Худшие волосы рок-н-ролла

Один критик как-то сказал, что у меня «худшие волосы рок-н-ролла». Было весьма обидно, но не могу сказать, что он ошибался. Я всегда боролся с вьющимся безумным «еврейским афро», и однажды мы с моим другом Биллом Вольфом попробовали Ultra Sheen – выпрямитель волос, продававшийся в основном для афроамериканцев. Результат впечатлил. Вольф, как я помню, сказал: «Ты становишься похож на этого придурка Брайана Маклина» – самые близкие к комплименту слова, что он когда-либо говорил в мой адрес. Маклин был гитаристом Love, и его блестящая грива напоминала мне прическу гитариста The Rolling Stones Брайана Джонса. Уж не знаю, выглядел ли я так же хорошо, как Маклин или Джонс, но это значительно лучше стандартного птичьего гнезда на моей голове.

Наш эксперимент с выпрямителем продолжался около недели до нашего с Вольфом прослушивания в The Doors. Вольф пробовался за несколько дней до меня, и, к моему удивлению, его не выбрали. Он был куда более опытным и техничным игроком, чем я. Мы вместе брали уроки гитары фламенко, у нас был свой джаг-бэнд[2 - Джаг (англ. jug – «сосуд») – примитивный архаический музыкальный инструмент западноафриканского происхождения. Сосуд с узким горлышком, используемый в фольклорных ансамблях в ритмической функции или как резонатор для усиления звучания голоса.], мы играли в составе фолк-трио, джемовали в составе эйсид-рок группы с участием барабанщика The Doors Джона Денсмора. Вольф был первым выбором The Doors. Я – вторым. Но мои волосы выглядели лучше, а мой слайдер для гитары сыграл решающую роль.

В современном музыкальном магазине вы сможете купить профессиональный слайдер из хромированной стали, глазурированной керамики, легкого титана, боросиликатного стекла или даже высокотехнологичного углеродного волокна. Когда же мы с Вольфом учились играть на гитаре, мы просто разбивали бутылку и использовали ее горлышко. Больше всего мне нравились дешевые бутылки от калифорнийского шампанского, поскольку у них была идеальная форма, а стекло слегка толще, чем у других винных бутылок.

Иногда нам требовались усилия, чтобы заклеить скотчем или оплавить острые края, но обычно я оставлял все как есть. Я думал тогда, что, если попаду в драку в баре, эта штукавина пригодится.

Мы с Вольфом любили слушать записи Блайнд Вилли Джонсона, Блайнд Лемон Джефферсона, Блайнд Вилли Мактелла, The Five Blind Boys of Alabama... Их отсутствие зрения компенсировалось обостренным чутьем к игре на слайд-

гитаре. У нас не было учителя, который бы рассказал нам о технике игры со слайдером, поэтому мы прикладывали усилия, чтобы разобраться во всем самостоятельно. Изначально я был пуристом и играл исключительно в акустику, но незадолго до прослушивания у The Doors был покорен звучанием электрогитары со слайдером.

Итак, однажды осенью 1965 года я приехал со своей электрогитарой, усилителем и острым слайдером из горлышка калифорнийского шампанского на парковку за офисным зданием в Санта-Монике. За парковкой был переулок с небольшим ветхим домом. В доме жил парень по имени Хэнк, который любезно позволил The Doors использовать свое пианино Yamaha и репетировать в его тесной гостиной. Соседей у него не было, а следовательно, и жалоб на шум.

До этого я уже виделся со всеми участниками группы, так что не было нужды представляться друг другу. Кроме того, ранее Джон дал мне копию их демозаписи с шестью песнями, так что я пришел подготовленным.

Самая первая песня, которую мы сыграли вместе, была моей любимой из этих шести треков – «Moonlight Drive». Демоверсия куда более динамичная и блюзовая, чем вариант, позже записанный нами вместе, и Джим трепетно пел в высоком регистре – нынешние фанаты The Doors вряд ли бы узнали его. Партия гитары предсказуемо попадала в такт с пианино. Я играл правильно. Затем я спросил, могу ли попробовать кое-что. Я достал слайдер, мы сыграли еще раз песню, и я исполнил мощный слайд-рифф. Благодаря моей технике фламенко-перебора и игре со слайдером я был в более выигрышном положении, чем другие кандидаты. Джим пришел в восторг от звучания слайдера и заявил, что The Doors должны использовать его во всех песнях. Вот почему я получил место в группе вместо Вольфа. Потребовалась всего одна песня, чтобы понять – все работает правильно. Выпрямитель для волос закончился через месяц, и вскоре моя шикарная гладкая шевелюра превратилась в потертую щетку для мытья посуды. Но благодаря тому, что я смог доказать свою незаменимость в группе, The Doors не могли от меня избавиться, равно как я не мог – от худших волос в рок-н-ролле.

Однажды мы еще раз репетировали с The Doors в доме Хэнка, и во время репетиции пришел один из друзей Джима. Джим затащил его в дальнюю комнату, захлопнул дверь и заорал во всю глотку. Из-за стены доносились их приглушенные крики, и я понял, в чем дело: этот парень как-то накосячил с доставкой наркотиков для Джима. Уж не знаю, что это за наркотики, было ли их

слишком мало или возникла денежная проблема, но звучало все это так, будто за стеной кого-то убивают. Мы с Рэем и Джоном обменялись неловкими взглядами и несколькими комментариями, но предпочли сделать вид, что ничего не происходит. Впервые мы коллективно спрятали головы в песок в момент бешеного поведения Джима Моррисона, и впервые я столкнулся с пугающей темной стороной Джима. Но в тот момент я не воспринял это как тревожный сигнал – был уверен, что Джим имеет полное право орать на этого парня. В то же время до этого эпизода он был очень сдержанным, так что вспышка гнева меня, мягко говоря, поразила.

Пока мы репетировали остальные песни, пытаюсь заглушить шум, я стоял, нервничал и думал про себя: «И этот парень – наш вокалист?»

В конце концов, Джим и его друг вернулись. Никто ничего не объяснял. Джим был явно не в духе. Репетиция закончилась.

Берегитесь взгляда, угрожающего всему человечеству

Интересно, ассоциировался ли я когда-либо со всеми этими знаменитыми слепыми блюзовыми исполнителями, ведь Вселенная никогда не была добра к моим глазам. Если вы посмотрите старые промо-фотографии The Doors, я часто щурюсь из-за чувствительности к всяким вспышкам, лампам и световым эффектам. И по сей день мне приходится заставлять себя не щуриться на фотографиях. В 90-х я дважды перенес лазерную коррекцию зрения, но оно снова упало. Затем у меня развилась катаракта, и мне пришлось перенести операцию на глазах. После пришлось сделать радиальную кератотомию на левом глазу – врачи разрежали мою роговицу, чтобы исправить дальновзоркость после операции по удалению катаракты. При этом радужная оболочка в моем правом глазу не закрывается как следует – в свое время мне в глаз попал теннисный мяч (по иронии судьбы в глаз мячом мне случайно зарядил окулист).

Проводя свои детские и юношеские годы в солнечной Южной Калифорнии, я всегда был спортивным и уверенным в себе парнем. Мы с моим братом-

близнецом Ронни здорово преуспели в гольфе в раннем возрасте, оба участвовали в школьной команде по гимнастике, всегда были первыми кандидатами на участие в командах по кикболу. У меня была страсть к бейсболу, и я уверен, что добился бы внушительных результатов, если бы не испортил зрение в самом разгаре карьеры в Младшей лиге. С каждым разом я все хуже и хуже видел этот гребаный мяч. В конце концов меня отправили играть на правой стороне поля в надежде, что мяч не долетит туда и я не опозорюсь. Успеваемость в школе тоже упала, поскольку я даже доску толком не мог увидеть. И однажды, когда я указал на самолет в небе, которого на самом деле не было, мои родители наконец поняли всю серьезность ситуации и отправились со мной за очками.

Но очки носили только ботаники. Я был крутым, популярным парнем! И ношение очков разрушило бы все это. Итак, когда я выходил утром из дома, очки ложились в карман до тех пор, пока я не возвращался. Родители заметили, что моя успеваемость в школе не повысилась, и снова поняли, что к чему. Контактные линзы в то время были относительно новым изобретением. Это были твердые пластиковые оболочки, не пропускавшие достаточное количество кислорода, поэтому носить их получалось лишь недолгое время, но все же это лучше, чем быть некрутым.

Я настолько уверенно справлялся с дискомфортом от ношения контактных линз, что Голливуд этим непременно воспользовался, сделав меня своим подопытным кроликом. Научно-фантастический фильм ужасов 1960 года «Деревня проклятых» рассказывает о жутких детях с гипнотическими силами и горящими глазами. Перед началом съемочного процесса на мне проверяли и демонстрировали эффекты с глазами будущих персонажей фильма. Думаю, мой офтальмолог доктор Робертс порекомендовал меня, сказав, что я его самый молодой пациент, носящий контактные линзы. Линзы, сделанные для съемок, были твердыми, роговицы, покрытые золотой краской, имели крошечное отверстие в центре, чтобы видеть сквозь него. Они были более беспощадными, чем мои ежедневные линзы, – одному из членов съемочной группы даже пришлось закапать мне в глаза обезболивающее. Поначалу дух захватывало от присутствия на съемочной площадке со всеми световыми эффектами и фотоаппаратами. Но через несколько часов, когда капли перестали действовать, мои глаза буквально молили о пощаде. Всем своим видом я стремился показать невозмутимость, но стало ясно, что целой группе детей-актеров работать в таких условиях очень некомфортно. Когда фильм появился на экранах, он мне понравился. По всей видимости, из-за моих страданий в ходе тестирования создатели отказались от использования линз и заменили их дорисованными на

постпродакшне светящимися глазами героев.

Мои не киношные контактные линзы помогли мне видеть немного лучше, однако успеваемость в школе так и не повысилась, а спортивная уверенность, увы, тоже не вернулась. Вместо этого в средней школе на моем лице появились прыщи, сам же я набрал вес. Все ребята, за исключением нескольких друзей из начальной школы, отвернулись от меня. Один из самых популярных парней школы в момент превратился в главный отброс и объект насмешек. Надо мной безжалостно издевались старшеклассники, и из уверенного в себе молодого человека я превратился в застенчивого, тихого парня, каким остаюсь до сих пор.

К счастью, я не был единственным «гадким утенком». Со мной всегда был рядом Билл Вольф, да и мой брат-близнец Ронни оставался верным товарищем. Кит Уоллис жил недалеко от апельсиновой рощи, где мы устраивали «апельсиновые обстрелы», а Стив Дэвидсон позволял нам подсматривать за своим старшим братом, водящим к себе в спальню девушек. Учась в средней школе, каждые выходные мы постоянно искали, где проходит какая-нибудь вечеринка, но, даже если бы мы ее тогда нашли, вряд ли у нас хватило бы наглости к ней присоединиться.

Еще одним развлечением для нас был вандализм. Однажды ночью мы с друзьями пробрались в строящийся жилой комплекс в Брентвуде, где разбили несколько окон и включили краны, заткнув при этом раковины. Мы оправдывали свои действия протестом против чрезмерной застройки, но, по правде говоря, нам просто было скучно. И хотелось трахаться.

Каждый раз нам каким-то образом удавалось выйти сухими из воды, ровно до того случая, пока мы с Биллом Вольфом не решили поиграть в «куриные бега», обнаружив пару тракторов на строительной площадке новой школы Палисейдс. Кто-то оставил ключи в замках зажигания – как мы могли устоять перед таким соблазном? Как выяснилось, управлять тракторами довольно сложно, со всеми их рычагами и остальной ерундой. Мы заставили их двигаться, но не понимали, как справиться с этими машинами, и в конце концов врезались друг в друга и сбежали с места преступления. Уж не знаю, кто нас тогда увидел, но в тот же день полиция приехала к дому моих родителей. Никогда не забуду разочарование на лице моей мамы. Я буквально разбил ей сердце этим хулиганством.

После этой истории я решил завязать с вандализмом, но нашел способы похулиганить, поступив в среднюю школу. У моего друга Роя Томпсона был старший двоюродный брат по имени Стив Скотт, обладавший водительскими правами, что, в свою очередь, подвигло его угнать универсал «шеви» 1957 года у своей мамы. На нем мы постоянно катались в поисках неприятностей на свои задницы. Однажды ночью мы украли коробку с пятьюдесятью гаечными ключами из строительного магазина только из-за того, что он попался нам на пути. В другую ночь мы увидели машину, полную местного хулиганья, подразнили их, и погоня началась. Стив знал переулки Санта-Моники как свои пять пальцев. У него был недостаточно мощный двигатель, но он был ловким и мог перехитрить кого угодно. И если бы хулиганы подобрались к нам слишком близко, мы с Роем тотчас швырнули бы в них ворованный трофей в виде гаечных ключей.

Мы с Роем и Стивом устраивали свои вечеринки, небольшие и скромные. Алкоголь для них доставали, воруя стоявшие у пивных наполовину пустые бочки (для нас они были наполовину полными). Одна из местных уличных банд, то ли «Герцоги», то ли «Джентльмены», однажды заплатила нам, чтобы мы раздобыли пиво на вечеринку в честь выпускного, ведь мы всегда хвастались тем, как легко можем достать спиртное. Мы объездили все близлежащие торговые точки, но в тот вечер все обнаруженные нами бочки были практически пустыми. Мы выложили канистры с нашим уловом в местном парке, где вечеринка уже была в самом разгаре. Эти парни выглядели как герои мюзикла «Вестсайдская история» – с названиями банд, вышитыми на их университетских куртках. Но они все же были куда жестче нас. И когда они поняли, что мы привезли им практически пустые бочки, мы запрыгнули в автомобиль мамы Стива. Члены банды гнались за нами с бейсбольными битами.

Родители пытались держать нас с братом подальше от проблемных ребят, ведь во всех этих злоключениях явно не было нашей вины: мы были невинными, драгоценными маленькими ангелами, испорченными дурным влиянием! Но я сохранил привычку попадать в неприятности, моя успеваемость в школе по-прежнему снижалась, и, когда меня оставили на второй год, стало наконец понятно, что к чему. Родители записали меня в частную подготовительную школу Менло недалеко от Кремниевой долины. Все плохие парни, вроде Билла Вольфа, с которыми я общался, должны были остаться в 350 милях отсюда.

Только вот незадача – родители Билла Вольфа решили так же поступить с сыном. И вместо того, чтобы разделить нас на 350 миль, они непреднамеренно поселили нас в одном общежитии.

* * *

Каждое утро в начальной школе все ученики собирались вокруг флагштока, положив руки на сердце, и парень по имени Лоринг Хьюз играл в горн, пока поднимали звездно-полосатый флаг США. Пока остальные с интересом смотрели на флаг, я наблюдал за горнистом. Я не знаю, повлияло ли на меня звучание инструмента или тот факт, что Лоринг был центром внимания всей школы, но именно тогда я понял, что хочу стать музыкантом. Я брал уроки игры на трубе, но в итоге сидел в дальнем ряду школьного оркестра, а затем и вовсе стал играть на большом барабане, что было понижением по рангу.

Следующим инструментом, привлечшим мое внимание, стала гитара. Впервые я брэнчал на ней дома у друга Боба Вайра, когда мне было двенадцать, затем я постоянно искал поводы, чтобы вернуться к нему и побрэнчать снова. Меня интересовали наши локальные гитаристы, например Генри Уэстин, который позже будет играть в Canned Heat. Каждый раз, проходя мимо дома Генри, я слышал тягучий звук его электрогитары, тяжелый, с реверберацией и тремоло. Менее известным, но более влиятельным для меня стал парень по имени Хиал Кинг, который был мастером саксофона, барабанов и гитары. Его игра, безусловно, впечатлила меня, но куда больше меня поразил его внешний вид. Люди с первого взгляда замечали его набриолиненный кок[3 - Бриоли?н (фр. brillant – «блестящий») – косметическое средство для ухода за волосами, придания им блеска и фиксации прически. Был популярен среди гризеров – субкультуры молодых бунтарей 60-х годов в США.] и идеально начищенные лоферы. При этом он был невысоким и коренастым, не особо красивее меня, изгоя и ботаника. Но девушкам он нравился. И это натолкнуло меня на мысль: гитара может стать панацеей.

В Менло жил парень с Гавайев по имени Кеоки Кинг, обитавший напротив меня и обладавший старой акустической гитарой Martin 000-21. Он нашел инструмент в сарае на ранчо отца, так что гитара была в паршивом состоянии, но, надеюсь, он ее сохранил – в наши дни такая стоит тысячи долларов. Он нечасто играл, поэтому всегда был рад одолжить гитару мне. После уроков нас запирали в общежитии, так что выбора было два: либо учеба, либо гитара Кеоки. Для меня

это вообще не было выбором.

Я играл на гитаре Кеоки практически каждый вечер в Менло, пока не получил, наконец, собственный инструмент: традиционную акустическую фламенко-гитару из легкого кедра с грифом из черного дерева, работы мексиканского мастера Хуана Пиментеля. Впервые взяв ее в руки, я практически никогда больше не выпускал этот инструмент. И моя теория о том, что гитара – отличный способ стать крутым, оказалась верной: в школе все внезапно стали моими лучшими друзьями, желая потрогать мою акустику.

Помимо дополнительного времени для репетиций Менло подарила мне новую музыку, которую я узнал благодаря приехавшим со всей страны студентам. Я впервые услышал Роберта Джонсона, Би Би Кинга, Альберта и Фредди Кингов. Блюз. Подлинный блюз. Тогда же было возрождение интереса к фолк-музыке, благодаря чему я открыл для себя Джоан Баэз, Рамблин Джека Эллиотта, Ледбелли и своего главного кумира всех времен – Боба Дилана.

Весь этот безумный микс дополняла музыка фламенко. У отца была пластинка Dos Flamencos – захватывающий балет классической музыки в гитарном исполнении Хайме Грифо и Ниньо Марвино. Меня поразила сложность и нежность этого произведения. Мы с Биллом Вольфом решили, что будем следующими Dos Flamencos, но по факту все еще были Dos Beginner Guitarristas («Начинающие гитаристы»).

Во время летних каникул мы с Вольфом поделили расходы на гитарные уроки с известными инструкторами фламенко Питером Эвансом и Арнольдом Лессингом. Раньше они регулярно играли в заведении Casa Madrid на бульваре Пико, сопровождая испанских танцовщиц, завораживавшим меня своей экспрессией, движениями и севильскими юбками. Благодаря регулярным урокам и кропотливой практике постепенно из ужасных гитаристов мы переквалифицировались в неплохих. Вернувшись в школу после каникул, мы продолжили оттачивать навыки каждый вечер.

Помимо тонкого, неземного звука фламенко меня также привлекал неуклюжий, манерный звук музыки джаг-бэндов. Причем нравился мне не столько звук, сколько сам образ. Ребята на обложке альбома Джима Квескина и Jug Band казались дуралеями, в то же время они выглядели упоротыми, а быть упоротым – это круто. Вольф тотчас же купил круглые солнцезащитные очки, подобные тем, что были у Фрица Ричмонда на обложке альбома, опередив на несколько

лет Джона Леннона. При этом банальность и примитивность этой музыки казалась вызывающей. Мы с одноклассниками как-то отправились посмотреть выступление Джима Квескина и Дэйва Ван Ронка в клубе в районе залива. Также мы побывали на паре выступлений Mother McCree's Uptown Jug Champions с участием Джерри Гарсиа, Рона «Пигпена» МакКернана и нашего знакомого ученика из Менло Боба Вейра – эти трое позже создадут Grateful Dead. Все в школе тогда обсуждали крутизну Боба Вейра и парней из Mother McCree's, так что мы с друзьями решили создать свой джаг-бэнд, чтобы стать крутыми и обсуждаемыми.

Красота музыки джаг-бэнда заключалась в том, что для нее не требовалось слишком много настоящих инструментов. Я играл на гитаре, Вольф выполнял двойную работу, играя на гитаре и стиральной доске, Скотт играл на казу[4 - Казу? (англ. kazoo) – американский народный музыкальный инструмент. Небольшой металлический, пластмассовый или деревянный цилиндр, сужающийся к концу. В середину цилиндра вставлена металлическая пробка с мембраной из папиросной бумаги.], Джерри – на бас-гитаре, а Финизи пел и играл на джаге. Группу назвали Back Bay Chamber Pot Terriers, идея принадлежала Финизи. Он был из Бэк-Бея в районе Бостона. Остальные из нас родились и выросли в Калифорнии, так что название не имело особого смысла. Но мы знали, что парни из Бэк-Бея считались крутыми, а у Финизи уже была группа с таким же названием, и он вновь хотел его использовать. Из всех групп, в которых мне довелось играть в разные годы, у этой, конечно, далеко не самое худшее название. Выступили мы всего раз – на собрании ассоциации жен руководства школы. Я думал, что мы будем играть где-нибудь в углу фоновую музыку, пока дамы общаются, но, когда мы приехали, там была сцена с микрофонами, и хорошо одетые женщины средних лет, заполнив ряды, с ожиданием смотрели на нас.

Группа Back Bay Chamber Pot Terriers

Мы быстро исполнили несколько джаг-бэндových каверов, в основном песни Джима Квескина, вроде «Washington at Valley Forge». С ритмичным треском стиральной доски и хоровыми припевами в духе «Уо-до-ди-до» все это звучало откровенно глупо. Конечно же, это не та музыка, которую предпочли бы

услышать все эти многочисленные мамы. Я ощущал на плечах груз ответственности во время выступления. Но мы им понравились! Да, они не вскакивали с мест и не пускались в пляс, но их бурные аплодисменты и улыбки показались нам искренними. Возможно, они и посмеивались над нами, но это мой сценический дебют, и благожелательность зрителей, пусть даже чопорно хлопающих дам средних лет, означала для меня, что это точно не последнее выступление.

* * *

Кеоки был хорошим другом не только потому, что одолжил мне свою гитару, но и потому, что познакомил меня со своей сестрой Джини. Она посещала все женские католические школы в полумиле от Менло. Мы познакомились в школе, танцевали и занимались серфингом, она была одной из первых девушек, с которой у меня начались отношения. Как-то вечером мы с Джини представляли свое будущее и говорили о том, кем себя видим в дальнейшем. Я сказал тогда, что собираюсь стать профессиональным гитаристом. Интересно, поверила ли она мне.

Злые отправляются в The Doors

Оглядываясь на свою жизнь, я не вижу четкую последовательность событий, а вспоминаю отдельные моменты. Ощущения. Мои воспоминания редко связаны с хронологией. Или даже с логикой. Они возникают при просмотре старых фото, прослушивании старых песен или даже... от запаха слезоточивого газа. Вообще, довольно сложно описать словами запах слезоточивого газа: стоит ему попасть на вас – и вы уже больше озабочены его воздействием.

Мы с Рэем вместе выступали в Боготе, Колумбия, в 2009 году. Военные пытались остановить шоу, пустив слезоточивый газ из канистр в помещение и закрыв двери снаружи. Я даже не увидел облака дыма – просто играл на гитаре, и мне

стало паршиво. Мы с Рэем остановились в середине песни, наши глаза слезились. Толпа запаниковала. Мы ушли за кулисы, где наш менеджер заблокировал мокрыми полотенцами щель под дверью гримерки. Наша команда раздавала воду людям в зале, медработники помогали пострадавшим. Военные продолжали нам угрожать, но примерно через час наконец отступили, облако слезоточивого газа рассеялось, и мы смогли закончить сет для благодарной и проникшейся публики. Не самый приятный опыт, но он отправил меня в прошлое и позволил лучше понять, что Джим испытал на концерте в Нью-Хейвене.

Печально известный концерт в Нью-Хейвене упоминается в любой из наших биографий, так что, думаю, логично рассказать свою версию событий. И взять на себя свою долю ответственности. Это был конец волнующего года: наша песня «Light My Fire» изменила положение дел летом 1967-го, а к осени того же года наш второй альбом, *Strange Days*, попал в пятерку лучших пластинок вместе с нашим дебютным диском.

Пристрастие Джима к выпивке росло пропорционально нашему успеху, поэтому мы всей командой стремились держать его в узде как могли, чтобы он был более-менее трезвым на вечерних концертах. 9 декабря 1967 года миссия удержать его легла на меня. Мы с Джимом наслаждались тихим ужином перед выступлением в Нью-Хейвене, Коннектикут. Он пил не больше привычной для себя нормы, но для большинства людей его норма – перебор. Тогда я еще не выработал стратегию усмирения Джима – ничего не получалось. В тот вечер я лишь скромно повозмущался: «Ты уверен, что хочешь заказать это? Чувак, у нас шоу через два часа».

Не сработало.

Позже той ночью, находясь в гримерке, я услышал крик Джима. Мы бросились посмотреть, что случилось, и обнаружили, что Джим орал на нескольких полицейских, а копы кричали в ответ. Во всей этой суматохе мы все же смогли понять, что произошло: Джим сблизился со своей девушкой в душевой, в тот же момент до него докопался полицейский, думая, что Моррисон – фанат, случайно пробравшийся за кулисы. Джим якобы выругался на него, а полицейский якобы обрызгал его булавой. Я, разумеется, поверил этой истории. Джим любил ругаться с копами, а копы любили проявить силу.

Конечно, вдохнуть слезоточивый газ в Боготе и получить из газового баллончика по глазам – не одно и то же. Но после того как Джим промыл глаза, он пришел в

себя довольно быстро. Оказывается, одна из причин, по которым полиция перешла с химической формы булавы, использовавшейся в 60-е, на современные перцовые баллончики, заключалась в том, что старая булава неэффективна против людей в состоянии алкогольного опьянения. Так что, может, и хорошо, что мои уговоры за ужином не сработали: пьянство Джима в данном случае его спасло!

Само шоу, ну или, по крайней мере, наше отделение, прошло довольно хорошо. Булава, по всей видимости, немного отрезвила Джима. Когда мы начали играть «Back Door Man», Джим завел свою знаменитую тираду про маленького синего человечка в маленьком синем костюме с маленькой синей шапочкой, временно ослепившего его за кулисами. Толпа выражала восторг Джиму, пока мы импровизировали, стоя за ним. Как и на всех лучших выступлениях The Doors, мы создавали момент. Определенная связь с определенной публикой, которая будет существовать только в эту конкретную ночь. Я совершенно не обращал внимания на десятки полицейских, поджидавших в тени.

Вдруг нас окружили. Лейтенант полиции вышел на сцену, и Джим предложил ему микрофон: «Ну что, человек, выскажись!» В тот момент я даже особо не волновался. Ну и что же они собирались делать, арестовывать его? Прямо на сцене? В середине шоу? За то, что он рассказал правдивую историю?

Как оказалось, да. Полиция схватила Джима, и толпа буквально сошла с ума. Мы с Рэем и Джоном стояли в шоке.

Имя Билла Сиддонса должно быть хорошо известно фанатам The Doors, ведь он по праву невоспетый герой в истории нашей группы. Билл был нашим тур-менеджером в то время, а тур-менеджмент – это всегда неблагодарная работа. Ты постоянно рвешь задницу и редко слышишь спасибо в свой адрес, когда все сделал правильно, – но стоит тебе где-то оступиться, даже если проблема возникла не по твоей вине, влетит моментально. Практически у каждой группы есть тур-менеджер, которого они недостаточно ценят. Но быть тур-менеджером, устраняющим проблемы после The Doors, – это особая головная боль.

Билл, которому на тот момент было всего девятнадцать, пришел на помощь, когда полицейский окатил лицо Джима слезоточивым газом на бэкстейдже, затем не испугался броситься на спину копу с криками: «Оставьте его в покое!» – во время ареста на сцене. К моменту, когда мы с Рэем и Джоном покидали сцену, а Джим уже занял заднее сиденье патрульной машины, Билл переключил внимание на нашу аппаратуру, защищая ее от буйной толпы.

До этого эпизода подобных прецедентов не было. Разве что в 1908 году итальянский оперный певец Карло Альбани был арестован на сцене в Бостоне во время исполнения «Трубадура» Верди из-за грядущего судебного разбирательства, но даже тогда констебль позволил ему закончить представление. Эпизод с The Doors же – первый в истории известный случай, когда музыкальный исполнитель арестован прямо на сцене во время выступления. Не могу винить нас за то, что мы тогда все очень тормозили и не соображали, что делать. Билл позвонил нашим менеджерам, менеджеры – нашему адвокату, адвокат вызвал полицию, и Джим был освобожден под залог, который Билл заплатил из наших гонораров за тот вечер.

Вины Джима в случившемся нет, так что в его фирменных извинениях не было никакой необходимости. Несколько недель спустя инциденту посвятили подробную статью в журнале Life, с живописным пошаговым фоторепортажем. Полицейские в своем неистовстве схватили репортера Life, джазового критика из Village Voice и фотографа. Было понятно, что журналисты будут однозначно на нашей стороне и что момент ареста Джима, в отличие от истории итальянского оперного певца Карло Альбани, будет увековечен в истории. Мы были в восторге от статьи и фотографий. Джима позиционировали как праведного бунтаря, а полицию – как неуклюжих недоумков. Не нужно быть дерзким подростком, чтобы понять, кто прав. Даже мои родители были на нашей стороне, прочитав эту историю.

Нам не было свойственно заикливаться на одном и том же, поэтому после того, как все улеглось, мы пошли дальше и особо не обсуждали эту историю. Но в итоге инцидент прочно закрепился в мифологии нашей группы как один из наиболее ярких. Мы стали героями отбросов и проводниками контркультуры. Кроме того, нас стали воспринимать как предвестников хаоса. Наши зрители уделяли все меньше внимания уникальным моментам наших выступлений и все чаще ожидали повторения эпизода в Нью-Хейвене.

Заголовок в Life отлично описал тот путь, на который мы встали: «Wicked Go the Doors» («Злые отправляются в The Doors»). 9 декабря 2012 года, ровно в день сорокапятилетия на следующий день после ареста Джима, я играл в Нью-Хейвене со своей джем-группой Robby Krieger's Jam Kitchen. За кулисами ко мне подошел мужчина и представился как сын полицейского, который избил Джима. Он был вежливым и дружелюбным, пошел по стопам отца и стал офицером полиции. Он официально извинился за поведение отца. От имени группы, которую его отец помог сделать известной, я эти извинения принял.

Отправьте мои данные в арестный дом

Сироп от кашля «Ромилар» сняли с прилавков в 70-х, потому что слишком много подростков злоупотребляло им, желая получить кайф. В 1964-м я был одним из них. Однажды ночью, отдыхая от Менло, мы с Биллом Вольфом, моим братом Ронни и другими ребятами ловили кайф от «Ромилара». В ту же минуту копы постучались в дверь. Им было плевать на нас и наш сироп от кашля – мы просто оказались в неправильном месте в неправильное время.

А неправильное место – дом драгдилера. Неправильное время – когда дилер пытается продать два кило марихуаны двум наркокурьерам.

У меня в трусах хранилось два мешка с травкой, но даже после двух обысков копы их не обнаружили. Позже той же ночью, сидя в камере предварительного заключения в Голливуде, я спросил сокамерника Уолли: «Кто из находящихся здесь обвинен в убийстве и что мне делать с травкой?»

Он ответил, что мы вполне могли бы затянуться, поскольку это, вероятно, его последний шанс кайфануть перед долгим заключением. Резкий запах почему-то не смутил охранников, тогда как другие наши сокамерники настояли на том, чтобы мы поделились. В общем, неплохая ночь.

Моим родителям это не понравилось. Именно из-за подобных эпизодов они и отправили меня в Менло. Папа был в ярости, увидев наши с братом имена в

статье об упомянутом инциденте в Evening Outlook Санта-Моники. Но как бы зол на нас ни был отец, он все равно помог нам с братом, наняв опытного юриста Гранта Купера, который позже будет защищать Сирхана Сирхана – парня, убившего Бобби Кеннеди. Мы вряд ли заслуживали серьезного наказания за безобидную шалость, так что все сработало: хотя нам уже и было по восемнадцать, Грант Купер убедил суд избрать меру наказания для подростков. Мы получили условный срок.

Дилера лично мы не знали. Нас отвез в его дом гитарист с Сансет-стрип, предложивший продать нам пару унций. Когда вся эта история закончилась, Грант Купер поделился с нами мудрым советом: «Держитесь подальше от музыкантов».

Мои родители, конечно, ненавидели переделки, в которые я регулярно попадал, общаясь с музыкантами, но ненависти к моим занятиям музыкой не испытывали. У отца была впечатляющая коллекция пластинок. Много буги-вуги, патефонных пластинок с записями темнокожих артистов – такая фонотека, думаю, нечасто встречалась в других домах нашего престижного района Пасифик Палисейдс. Много записей классических симфоний и маршей Джона Филипа Сузы[5 - Джон Филип Суза (1854–1932) – американский композитор и дирижер духовых оркестров, автор национального марша США «The Stars and Stripes Forever». Суза вошел в историю американской музыки как «король маршей».]. Вообще, моя любовь к музыке зародилась, когда в детстве папа ставил мне пластинку с оркестровым исполнением «Пети и волка» Прокофьева.

Стюарт Кригер был серьезным человеком. Лысым. Носил костюмы. Ездил на «бьюике». По сути, ходячий стереотип успешного главы семейства из 1960-х. Он обучался в школе авиационной техники в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса и в Калифорнийском технологическом институте, работал с оборонными предприятиями над проектированием аэродинамических поверхностей для военных самолетов.

Многие нацисты завершили свой жизненный путь благодаря самолетам, разработанным при участии моего отца, например Lockheed P-38 Lightning и Northrop P-61 «Черная вдова». Он также работал над ранними прототипами крыльев для Northrop и был частью команды сверхсекретных проектов Skunk Works. Позже он основал собственную инженерную фирму Planning Research, достаточно успешную, чтобы котироваться на Нью-Йоркской фондовой бирже. Это позволило ему продать свой «бьюик» и купить серебристый Maserati Ghibli.

Он работал долгими часами, чтобы обеспечить семье комфортные условия для жизни, но у него всегда находилось время тренировать мою бейсбольную команду Младшей лиги.

Мы хорошо ладили (когда меня не задерживала полиция), но отец являл собой хрестоматийное определение понятия «старомодный». Я уважал и любил его, но никогда не хотел стать таким же.

Мэрилин Кригер была идеальной второй половинкой для моего отца. Она выкрасила волосы в белый цвет и делала все возможное, чтобы подражать своему кумиру – Мэрилин Монро. Пока папа слушал марши Джона Сузы, мама слушала Синатру. Пока папа все свободное время играл в гольф, мама рисовала и учила меня писать маслом. Она также научила меня тому немногому, что знала о фортепиано. Ее репертуар ограничивался единственной песней «My Dearest Dear» из британского мюзикла 1939 года, которую она прекрасно играла и пела. Ей нравилось открывать для себя новую музыку по радио, и, что особенно важно, она открыла Элвиса. Его сингл «Hound Dog» с би-сайдом «Don't Be Cruel» вскоре часто звучал у нас дома.

Я не могу жаловаться на среду, в которой вырос. Это был здоровый баланс искусства и науки, это была привилегированная жизнь и финансовая стабильность. Жить в Пасифик Палисейдс – богатом пригороде к северу от Санта-Моники – было безопасно, безмятежно, рядом всегда был пляж. Двери в нашем районе никогда не закрывались. Мы с братом путешествовали автостопом вдоль побережья, не опасаясь быть похищенными или убитыми. Когда мы катались на скейтбордах после наступления темноты, наши родители не беспокоились. В нашей семье даже были уборщица и повар на полставки. Благодаря таким, как мы, Бивер Кливер[6 - Теодор «Бивер» Кливер – вымышленный главный персонаж из американского телесериала «Оставьте это Биверу», транслировавшегося между 1957 и 1963 годами. – Прим. пер.] становился похож на Сиды Вишеса. Как и любой подросток, у которого не было поводов и причин протестовать, я протестовал.

Школа Менло должна была меня исправить, но именно там я впервые попробовал травку. Мой друг Скотт, казуист из The Back Bay Chamber Pot Terriers, привозил от друзей из Нью-Йорка нечто под названием «бу». Тогда мы не знали, что это травка. У этого нечто было загадочное название, и мы выкурили его из изысканных опиумных трубок, купленных в китайском квартале. Когда нечто наконец подействовало, я не мог удержаться от смеха, воображая себя королем, а остальных в комнате – прислужгой. Уж не знаю, почему мне было так смешно, но я не мог остановиться смеяться.

«Бу» – прекрасный способ похулиганить, не причинив никому вреда или имущественного ущерба. Но, как и со всеми другими формами подросткового бунтарства, последствий избежать не удалось. Окончив школу, мы с Биллом Вольфом ехали на его машине, и нас остановили полицейские. У Вольфа была унция травки, и он спросил меня: «Что мы будем делать?» Вспомнив старый анекдот про Одинокого Рейнджера и Тонто[7 - Одинокий рейнджер – персонаж американских вестернов, носящий маску непримиримый борец с беззаконием, техасский рейнджер. Его компаньон – индеец Тонто.], я ответил: «Что ты имеешь в виду под словом “мы”, белый человек?» Я был упорот, и тогда это казалось забавным.

Я посоветовал Вольфу засунуть травку в штаны, поскольку на основании предыдущего опыта сделал вывод – они вряд ли проверят его промежность. Но вместо этого он в панике выбросил травку в окно. Копы, конечно, все видели. Мы оказались в полицейском участке Западного Лос-Анджелеса, напуганные до смерти. Дежурные полицейские над нами издевались: «Возьмите ножницы, ребята! У нас тут длинноволосые! Повеселимся!» Нас перевели в мужскую тюрьму в центре города, раздели догола, обрызгали дезинфицирующим средством и нарядили в грубую, плохо сидящую форму. Поскольку ранее у нас уже были проблемы с законом, нам сказали, что мы получим минимум два года. На этот раз с сокамерниками было не до смеха и курения. Был только я, лежащий на нарах в размышлениях о том, каково быть запертым в камере на целых два года жизни. Было страшно, и я не спал всю ночь. Стены, решетки – на этот раз все было по-настоящему. На следующее утро меня накормили завтраком и отпустили.

Мне повезло. Они знали, что машина принадлежит Биллу, и видели, как он выбросил травку, поэтому разбирались с ним, а меня решили не беспокоить. К счастью, он избежал тюремного заключения, но это был тревожный сигнал о возможных последствиях безобидного хулиганства. После этого я резко

сократил употребление травы и никогда не носил ее с собой, опасаясь быть пойманным. Я все еще хотел экспериментировать с веществами, которые могли помочь мне открыть новые горизонты, но с тех пор искал способы сделать это легально. Так было с ЛСД.

* * *

Примерно через пятьдесят лет нашего с Вольфом ареста двое полицейских подошли ко мне в аэропорту Остина, когда я летел домой после концерта со своей группой Robby Krieger Band. Копы аэропорта сурово сообщили мне, что их собаки унюхали небольшое количество марихуаны в сумке для гольфа среди моего багажа. Видимо, она лежала так месяцами, засунутая в угол кармана и давно забытая. Я показал полицейским свою карту медицинской марихуаны. Они поблагодарили меня, и я отправился дальше. Времена меняются.

Гостиная

Однажды, вскоре после того, как я пошел в девятый класс, мы семьей собрались в загородном клубе «Ривьера», чтобы поиграть в гольф. Я стоял возле шариковой шайбы на переднем тройнике четвертой лунки, когда мой папа в 30 ярдах позади меня нанес удар по мячу. Его мяч просвистел в воздухе и основательно впечатался в мой череп. Я вырубился. Когда очнулся, мама срочно отвезла меня в больницу (пока папа и брат продолжали играть). Череп был поврежден, и в рамках лечения мне пришлось пройти курс специальных антибиотиков, здорово мне навредивших. Я провел несколько недель на диете, состоящей исключительно из йогурта и имбиря, и в результате сбросил более 40 фунтов, которые уже никогда не набрал обратно. Я бы не рекомендовал эту диету, но не могу не отметить ее эффективность. Девочкам я все еще не нравился, но, по крайней мере, мне удалось восстановить некоторую социальную уверенность и способность балансировать на доске для серфинга. Искренне сомневаюсь, что The Doors позволили бы мне к ним присоединиться, будь у меня лишний вес, так что, в конце концов, я должен сказать отцу спасибо

за перелом черепа.

Я также должен поблагодарить отца за то, что он рекомендовал нашей группе адвоката Макса Финка – еще одного невоспетого героя в истории The Doors. Возможно, мы бы стали его наиболее известными клиентами, но до нас он представлял, среди прочих, интересы Люсиль Болл и Деси Арнаса. Когда Джима арестовали в Нью-Хейвене, Макс был тем, кто вызволил его и кто в конечном счете свел все санкции до штрафа в 25 долларов. Он помогал нам с контрактами, оформлением документов, управленческим персоналом, судебными процессами и любой юридической рутинной, с которой нам приходилось иметь дело. Именно он организовал нам проживание в отеле Henry Hudson в Нью-Йорке. Мы думали тогда, что он выбил нам скидку на номера, но почти уверен, что мы тогда заплатили полную цену, а он получил откат. Он был акулой. Но нашей акулой.

Мой папа рекомендовал Макса примерно после третьей репетиции с The Doors. Или даже, скорее, попытки репетировать. Репетировать у Хэнка мы больше не могли, так что я предложил для этого родительский дом. Папа работал весь день, поэтому мы могли шуметь, сколько хотели. Мы с Рэем и Джоном установили оборудование в гостиной и болтали, ожидая прибытия Джима. Но Джим так и не появился. Через час Рэй начал звонить.

В конце концов мы узнали, что Джим сидел в тюрьме в пыльном городке под названием Блайт, примерно на полпути между Лос-Анджелесом и Финиксом. Настолько я помню, Джим и его друзья Феликс и Фил уехали в пустыню и остановились у бара, переполненного байкерами. Кто-то сказал что-то обидное, и завязалась драка. Приехали копы и всех повязали, Джим провел ночь в обезьяннике. Я так и не узнал всех подробностей. Даже не знаю, как Джим вернулся домой. Я думаю, Рэю, возможно, пришлось поехать туда и забрать его. Мой папа обратил внимание на этот инцидент и другие подобные с момента начала деятельности группы. Он свел нас с Максом Финком и сказал: «Вам понадобится хороший адвокат по уголовным делам».

Я почти смеюсь, когда думаю об этом сейчас, но на первой встрече Джим не произвел никакого странного впечатления. Примерно за неделю до моего прослушивания Джон Денсмор привел его в дом моих родителей, чтобы пригласить меня в их новую группу. Джим молчал. Он носил тусклую, неприметную одежду. Ничто в нем не выдавало «рок-звезду». Они сказали мне, что их группа называется The Doors.

Честно говоря... Я думал, это глупо. Джим объяснил, что название вдохновлено произведением Олдоса Хаксли «Двери восприятия», о котором я случайно прочитал годом ранее. Это, пожалуй, дало мне несколько выигранных очков для укрепления взаимопонимания с Джимом, но я все еще не был в восторге от названия группы. Для тех, кто не знаком с книгой Хаксли, это не имело бы никакого смысла. Я тогда думал, что, если бы группа называлась Perception, это бы звучало цепляюще. The Beatles звучало цепляюще. The Rolling Stones звучало цепляюще. The Doors звучало глухо.

Шесть песен с их демопленки были неплохими, но тексты «Moonlight Drive» и «End of the Night» плотно засели у меня в голове после того, как Джим и Джон покинули мой дом. В этом что-то было. Возможно, я бы поленился прийти на прослушивание к ним, если бы не тот факт, что у них был контракт с Columbia Records. Особенно я был впечатлен тем, что подписал его Билли Джеймс, работавший с Бобом Диланом. Ни певец, ни название группы, ни музыка меня не впечатляли, но сделка с Columbia Records впечатляла. Я решил, что стоит попробовать.

Через несколько месяцев после моего присоединения к The Doors Джим как-то зашел в офис Columbia, приняв мощную дозу кислоты. Понятия не имею, что он там сказал или сделал, – все, что он нам сообщил, это то, что он встретился с Билли Джеймсом и некоторыми руководителями лейбла. Джим гордился собой. Под воздействием кислоты он был уверен, что может контролировать человеческие умы: «Эти парни буквально ели из моих рук. Я просто сказали им все как есть. Что мы станем самой популярной группой на Columbia». Вскоре после этого мы узнали, что Columbia от нас отказались.

Возможно, они бы бросили нас в любом случае. «Контракт подписан» – слишком размытое понятие. Такие договоры, как заключили тогда The Doors, лейблы раздавали одновременно десяткам артистов. Группы, становившиеся известными, оставались на лейбле, с другими же отношения прекращались. Билли Джеймс верил в The Doors и изо всех сил пытался привести начальство в восторг от нас, но демопленка была посредственной, да и организовать концерты нам удавалось с трудом. Видимо, «кислотная» встреча Джима с руководителями Columbia стала последним гвоздем в гроб этих деловых отношений. Билли Джеймсу было жаль с нами расставаться, но по иронии судьбы в дальнейшем он поработал с нами, устроившись в Elektra Records.

Ранее он произнес о Джиме Моррисоне поистине пророческие слова:

«Если он когда-нибудь получит власть, держитесь».

Рэй что-то увидел в Джиме, когда тот впервые спел ему песню, сидя на пляже Венис-Бич, – уверенность Рэя с тех пор не поколебалась. Джон что-то увидел в Джиме – достаточно, чтобы убедить меня прийти на прослушивание в группу. Я же ничего не увидел. Не почувствовал то, что почувствовали Рэй и Джон. Мне Джим понравился по-человечески. У него был мягкий характер, пока он не кричал на торговцев наркотиками, дрался в барах или срывал нам сделки со звукозаписывающими компаниями. Даже моя мама находила его очаровательным, считая его тихим джентльменом с Юга. Он уже писал отличные тексты, но еще не был эпатажным, облаченным в кожу секс-богом. Я видел в нем лишь интроверта в вельветовой одежде с дрожащим голосом.

В те дни Джим редко проживал по одному адресу. Он либо обитал на крыше дома своего друга Денниса Якоба, либо останавливался у Рэя, либо же находил разных девушек, чтобы поселиться у них. Никто никогда не знал, где Джим собирался лечь спать или провести ночь, – впрочем, как и он сам. Так что, когда мои родители уехали в отпуск в Европу на несколько недель, я предложил Джиму пожить у нас. Он принес кучу помятых блокнотов со стихами, а я достал свою гитару.

Мы уже работали над песнями «Break On Through» и «Light My Fire» с группой на репетициях, но это был первый наш с Джимом шанс поработать наедине. У Джима были тексты песен «Strange Days», «The Crystal Ship» и «Waiting for the Sun». У меня были слова и музыка для «Love Me Two Times» и «You're Lost Little Girl». Я показал Джиму номер в стиле «рага», написанный под влиянием Рави Шанкара, над которым тогда работал, и он вытащил пару строк для песни, которую назвал «The End». Мы обменялись идеями, фразами и текстами песен, ощущая трепет от создания новой музыки, генерируемой нами.

Наконец я увидел то, что видели Рэй и Джон.

Сочинение песен с Джимом было уникальным, вдохновляющим процессом – такое в моей жизни больше не повторялось никогда. Пока Джим оставался со мной, он в целом вел себя хорошо. Дед присматривал за нами, и это меня немного смущало. Он был тихим стариком, присутствие которого в доме едва

замечали. Я извинился за присутствие деда в доме, но Джим ответил: «Нет, чувак, он классный. Мне он нравится». В свое время Джим удивил меня жестокостью, теперь же – вежливостью и добротой. Он мало пил, пока мы тусовались, был милым, дружелюбным, забавным Джимом, которого легко любить. Может быть, у этой группы все-таки что-то получится.

Но однажды ночью Джим ушел выпить с моим братом Ронни, и их остановила полиция. Джим начал тираду против полицейских, используя фразы, которые лично мне трудно за ним повторить, особенно в контексте современности. Опуская подробности, он утверждал, что, нося оружие, офицеры компенсируют небольшой размер своих гениталий. Несколько раз он обозвал их крайне грубым и оскорбительным словом, обозначающим гомосексуалов, а затем продолжил, что из-за небольших размеров гениталий и того, что они все, по его мнению, гомосексуалы, они даже не осмелятся применить оружие.

К счастью, копы не стали в них стрелять, используя оружие в качестве контраргумента. Но Джим и мой брат оказались в тюрьме, и на этот раз я должен был внести залог. Это немного омрачило период проживания Джима у нас дома, но в остальном это было приятное и продуктивное время, мы не растеряли сгенерированную нами творческую энергию и укрепили нашу дружбу. Мне все еще было ясно, что у The Doors светлое будущее.

Нам просто понадобится хороший адвокат по уголовным делам.

Бунт во время шоу

Меня иногда спрашивают о печально известном «бунтарском» концерте. Я всегда уточняю, о каком именно выступлении идет речь. Обычно имеют в виду шоу в Чикагском Колизее в мае 1968 года. Согласно новостным заметкам, Джим пригласил зрителей на сцену, фанат прыгнул с балкона, а завершилось все массовым погромом стульев и крушением баррикад. Я ничего об этом не помню.

Дело не в том, что я был слишком пьян или под кайфом. Я, конечно, старею, память не становится лучше, но не думаю, что это взаимосвязано. Просто Джим всегда приглашал зрителей на сцену. А стулья всегда в первую очередь страдали во время погромов. Что же касается парня, прыгающего с балкона, – может, я просто смотрел на гриф своей гитары в этот момент? Но я не помню, чтобы кто-нибудь после шоу сказал: «Эй, ты видел, как этот парень спрыгнул с балкона?!» Уж наверняка подобное активно бы обсуждалось в гримерке.

Мне бы хотелось рассказать что-нибудь особенное, поделиться взглядом изнутри на тот «бунтарский» концерт в Чикаго, но, по правде говоря, это лишь очередной вечер в рамках тура The Doors.

В Финиксе мы играли на ярмарке штата перед тысячей зрителей, Джим позвал несколько сотен из них подняться на сцену, после чего полиция прервала шоу. Мы же с того момента попали под запрет в Финиксе, но я и это не помню отчетливо.

Помню, как играл в Singer Bowl в Нью-Йорке летом 1968-го. Джим ползал на животе, и толпа бросилась на сцену. Мы бы продолжали играть, но организаторы вызвали полицию через громкоговорители, и копы проводили нас за кулисы. Толпа взбесилась и принялась крушить кресла.

Еще ясно помню один вечер где-то на Среднем Западе, когда большую часть выступления толпа скучала. Между песнями не звучали аплодисменты. Джим делал то же, что и обычно на остальных наших выступлениях: дразнил толпу, корчился, использовал крепкие выражения. В ответ – тишина. Мы закончили сет и покинули сцену в той же каменной тишине, которая сопровождала все то выступление. Затем, через несколько минут... Внезапный взрыв аплодисментов. Толпа на хрен разрушила это место. Мы не испугались, но поразились – все произошло резко и буквально из ниоткуда. Уж не знаю, была ли это накопившаяся энергия или же толпа просто не понимала, как правильно реагировать на наше выступление. Но снова сотни поклонников бросились на сцену, и снова сотни невинных стульев завершили свой жизненный путь.

Нам нравилось раздвигать границы, и казалось, что зрителям это понравилось так же сильно. Если толпа не бунтовала, мы чувствовали себя так, будто не сделали свою работу. И если толпа не ощущала вкус Нью-Хейвена, зрители чувствовали себя так, будто выбросили деньги на ветер.

Как ни странно, никакой «дорсмании» подобно «битломании» никогда не было. Какими бы сумасшедшими ни были наши концерты, не было девушек, гнавшихся за нами по улицам, или фанатов, преследовавших нас в аэропортах. Время от времени нашу машину окружали фанаты, пытавшиеся пролезть в окно и ухватить Джима за промежность, но это было скорее исключением, чем правилом. Когда мы играли в филаделфийском Spectrum, промоутер нанял несколько довольно крупных телохранителей, чтобы сопровождать нас на сцену, – но только потому, что мы должны были идти прямо через толпу. Иногда мы нанимали одного-двух телохранителей, но нам никогда не требовалась полномасштабная охрана, чтобы удерживать кричащие орды подростков. И нам это нравилось.

Каждый подросток в тот или иной момент фантазирует об уровне популярности The Beatles, о массовом обожании, но мы быстро поняли, какая же это обуза. Такую славу нельзя отключить по желанию. Джим, естественно, был самым узнаваемым участником группы, но я никогда не завидовал ему в этом плане и всегда очень ценил то, что не особо известен. Я чувствовал себя мухой на стене, наблюдающей за разворачивающейся удивительной историей и имеющей возможность удрать без преследования, если вдруг запахнет жареным. В общем, всем нам повезло, что мы могли жить своей жизнью, а наши фанаты относились к нам как к людям. Даже в Singer Bowl – площадке, где было совершено одно из самых жестоких и массовых убийств стульев в истории, – Джим провел некоторое время, прежде чем мы продолжили гулять среди толпы, спокойно общаясь с людьми и раздавая автографы. Никто не кричал. Никакой истерии. Вы можете представить участника The Beatles или The Rolling Stones, спокойно разгуливающего по концертной площадке без каких-либо происшествий после выхода их третьего альбома?

Сегодня же дела обстоят куда безумнее, чем когда-либо во времена гастролей The Doors. Конечно, никто не запрыгивает на мою машину и не пытается схватить меня за промежность, но поклонники регулярно подходят ко мне на пути в продуктовый магазин. И если толпа фанатов замечает меня перед выступлением с Robby Krieger Band, меня быстро окружают люди, просящие автографы и селфи. Мне очень лестно внимание, и я всегда рад уделить время фанатам, которые поддерживают меня много лет, но забавно, насколько изменилась атмосфера сейчас. В любое время, когда я приземляюсь в аэропорту или иду в вестибюль отеля, всегда стоит сразу несколько продавцов, толкающих свой товар на eBay, со стопками альбомов и памятных вещей на подпись. Обычно я ничего не имею против них, но иногда это вызывает тревогу: они стремятся получить у меня автограф, пока я еще жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гру?пи – поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. (Здесь и далее – примечания редактора, если не указано иное.)

2

Джаг (англ. jug – «сосуд») – примитивный архаический музыкальный инструмент западноафриканского происхождения. Сосуд с узким горлышком, используемый в фольклорных ансамблях в ритмической функции или как резонатор для усиления звучания голоса.

3

Бриоли?н (фр. brillant – «блестящий») – косметическое средство для ухода за волосами, придания им блеска и фиксации прически. Был популярен среди гризеров – субкультуры молодых бунтарей 60-х годов в США.

4

Казу? (англ. kazoo) – американский народный музыкальный инструмент. Небольшой металлический, пластмассовый или деревянный цилиндр, сужающийся к концу. В середину цилиндра вставлена металлическая пробка с мембраной из папиросной бумаги.

5

Джон Филип Су?за (1854–1932) – американский композитор и дирижер духовых оркестров, автор национального марша США «The Stars and Stripes Forever». Суза вошел в историю американской музыки как «король маршей».

6

Теодор «Бивер» Кливер – вымышленный главный персонаж из американского телесериала «Оставьте это Биверу», транслировавшегося между 1957 и 1963 годами. – Прим. пер.

7

Одинокий рейнджер – персонаж американских вестернов, носящий маску непримиримый борец с беззаконием, техасский рейнджер. Его компаньон – индеец Тонто.

Купити: https://tellnovel.com/kriger_robby/the-doors-zazhzhem-etu-noch-moi-vozpominaniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)